А. В. Юревич

ТЕНЕВАЯ НАУКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (нормы и антинормы науки)

Термин «теневая наука» все прочнее утверждается в нашем науковедческом и бытовом лексиконе и становится все более популярным, что неудивительно: было бы странным, если бы в стране, где значительная часть экономики, да и других социальных структур, находится «в тени», а «теневой» образ жизни сколь широко распространен, столь и естественен, не было бы и своей теневой науки.

Когда термин у всех на слуху, трудно установить его авторство, и, скорее всего, изобретатель выражения «теневая наука» так и останется неизвестным, хотя претендентов на пальму первенства обнаружилось бы немало. Например, среди пионеров его употребления можно упомянуть В.А. Бажанова, назвавшего одну из глав своей книги, вышедшей в 1991 г., «Феномен теневой науки и его особенности в СССР». Из названия этой главы можно заключить, что уже в те времена, когда, как тогда было принято считать, у нас «не было» наркомании, проституции и даже секса, теневая наука у нас была, а к ее основным проявлениям В.А. Бажанов относит написание авторами рецензий на собственные работы, рецензирование научных трудов без их чтения и т.п. Он пишет: «По аналогии с теневой экономикой, под которой имеют в виду незаконную экономическую деятельность, теневую науку можно было бы определить как деятельность представителей научных сообществ, микросоциумов (входящих в них по формальным либо содержательным признакам), которая строится на нарушении, деформации принятых и поддерживаемых обществом в качестве своего рода идеалов, ценностей и норм – правовых, этических и т.д., которые регулируют научную жизнь» [1, с. 153]. По мнению В.А. Бажанова, «функционирование теневой науки покоится на действии по меньшей мере двух механизмов: первый (и самый эффективный) из них – наличие влиятельного лица в структурах власти, готового помочь (“вырожденный” случай – влиятельное лицо в самом издательстве), готового исполнить чье-либо желание, а второй – пробивная сила некоторого множества отзывов, заверенных, как полагается, печатями солидных научных учреждений, от ученых со степенями и званиями, да еще – если повезет – занимающих какие-либо административные должности» [1, с. 156–157].

Теневая наука, если исходить из ее описанного выше понимания, существовала не только у нас, и вообще можно предположить, что с тех пор, как возникла сама наука, сформировалась и область феноменов, которые можно причислить к теневой науке, хотя, естественно, и характер этих феноменов, и их выраженность менялись с течением времени. Так, например, А. Кон в своей книге с красноречивым названием «Ложные пророки: обман и ошибки в науке и медицине» [19] приводит доказательства того, что уже основатели науки Нового времени – Ньютон, Кеплер, Галилей и др. – регулярно грешили подделкой

научных данных, которую принято считать одним из главных проявлений теневой науки. Наиболее громкую огласку в этом плане приобрел случай Г. Менделя – после того, как математиком Р. Фишером было доказано, что количественные данные, приводившиеся «великим монахом» в подтверждение открытых им законов генетики, получить было принципиально невозможным. Скандал разразился и по поводу английского психолога С. Барта, который сначала первым среди психологов был посвящен в дворянство (став сэром Сириллом Бартом) и удостоен престижной премии Торндайка, а потом, когда выяснилось, что всего этого он добился с помощью разветвленной системы подлогов, включавшей описание непроводившихся исследований, искажение действительного размера выборок, публикацию данных, подтверждавших его выводы, под вымышленными именами, и другие подобные приемы, подвергся – посмертно, впрочем, – многоступенчатой процедуре «деградации статуса» и даже отлучению от науки[1].

Б. Барбер [14], У. Хагстром [18] и другие известные исследователи науки публикуют длинные списки подделывавших результаты исследований, которые, возглавляемые Ньютоном и Галилеем, включают и наших соотечественников. В 1985 г. журнал «New scientist» провел опрос, продемонстрировавший, что 194 из 201 опрошенных им ученых сталкивались с подобными случаями, причем только 10% уличенных в обмане было уволено со своих должностей, для остальных же обнаружение подлогов не имело сколь-либо значительных последствий [19]. С. Волинз разослал 37 авторам научных статей письмо с просьбой описать «сырые» данные, на которых были основаны сделанные выводы. Ответили 32 респондента, у 21 из которых первичные результаты куда-то «случайно» затерялись, при этом и в присланных данных обнаружились подозрительные неточности и ошибки [19]. А среди ученых, опрошенных М. Махони, 42% ответили, что хотя бы однажды сталкивались с подделкой данных, причем биологи (57%) – чаще, чем представители социогуманитарных наук – психологи (41%) и социологи (38%) [20].

Вышеупомянутый А. Кон, проанализировавший и систематизировавший подобные случаи «мошенничества» в науке, пришел к выводу, что оно носит массовый характер, является правилом, а не исключением, и выделил 3 его основные разновидности: 1) «подлог» – прямая фальсификация результатов исследований, выдумывание несуществующих фактов; 2) «приукрашивание» – искажение полученных данных в желаемом направлении; 3) «стряпня» – отбор только тех данных, которые подтверждают гипотезы [19].

Эта тема, в 1980-е гг. прошлого века ставшая одной из самых популярных в разделе «Научное творчество» выходившего у нас тогда реферативного журнала «Науковедение», поистине неисчерпаема. В то же время было бы неверным сводить исторические предпосылки теневой науки только к манипуляциям с результатами исследований. У науки всегда существовала куда более многообразная теневая сторона,

[1] Окончательный вердикт ему вынесла Британская психологическая ассоциация: «Ни по своему темпераменту, ни по своей подготовке Барт не был ученым… его работы имели лишь форму научных, но далеко не всегда были таковыми по существу» [17, p. 80].

скрытая от взглядов непосвященных. Так, Р. Мертон, сформулировавший официальные нормы науки – универсализм, незаинтересованность, коммунизм и организованный скептицизм, от которых, очевидно, должно отмеряться «нарушение принятых и поддерживаемых обществом (и научным сообществом) идеалов, ценностей и норм» [1, с. 153], отдал должное и таким теневым феноменам научной деятельности, как «эффект Матфея» (чем больше имеешь, тем больше и приобретаешь), «эффект Ратчета» (завоевав определенный статус, практически невозможно его потерять) и т.п. [21]. А. Митрофф описал теневые антинормы науки, противоположные ее официальным нормам: 1) вера в моральную добродетель не только рациональности, но и иррациональности; 2) эмоциональная вовлеченность; 3) партикуляризм; 4) уединенность (т.е. секретность, стремление ученого обрести право собственности на произведенное им научное знание); 5) заинтересованность; 6) организованный догматизм [22]. Еще одна система антинорм была описана С. Фуллером, назвавшим их «земными», т.е. не абстрактно декларируемыми, как нормы Мертона, а реальными нормами «земной» науки. К их числу он относит: 1) культурный империализм (т.е. доминирование англоамериканских научных журналов и т.д.); 2) мафиозность; 3) оппортунизм (т.е. готовность, например, создавать оружие массового уничтожения); 4) коллективная безответственность [16].

Резонансный шаг в высвечивании теневой стороны науки сделали Дж. Гилберт и М. Малкей, которые в своей книге «Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых» продемонстрировали, что у людей науки имеются два «репертуара» – «условный» и «эмпирический», в рамках первого из которых одни и те же ситуации научной деятельности воспринимаются в их официальном, а в рамках второго – в скрытом, или теневом, контексте. Пример расхождения этих «репертуаров», который приводят авторы, настолько ярок и остроумен, что его стоит воспроизвести в очередной раз.

Что пишется	**Что имеется в виду**
Давно известно, что...	Я не удосужился запастись точными ссылками.
Хотя не оказалось возможным найти точные ответы на поставленные вопросы...	Эксперимент провалился, но я считаю, что, по крайней мере, смогу выжать из него публикацию.
Три образца были отобраны для детального изучения...	Результаты, полученные на других образцах, не давали никакой почвы для выводов и были проигнорированы.
Имеет большое теоретическое и практическое значение...	Интересно для меня…
Утверждается... представляется... считается, что...	Я считаю…
Общепринято, что...	Еще двое отличных ребят думают точно так же.
Наиболее надежными следует считать результаты, полученные Джонсом...	Он был моим аспирантом.

Цит. по: [2].

В целом же самые разнообразные направления изучения науки – изучение ее истории, социологический анализ так называемой «лабораторной жизни» (см.: [9]), психологические исследования взаимоотношений между учеными и т.п. – убедительно свидетельствуют о том, что у любой науки есть своя теневая сторона, которая проявляет себя не только в грубых нарушениях научной этики, как в случае подлогов и прочего, но и в более «нормальных», этически нейтральных ситуациях.

Так, например, у любой научной дисциплины существует теневая методология, которая позволяет «самортизировать» издержки, а то и вообще неосуществимость ряда ее официальных методологических стандартов. Например, в пору господства позитивистской методологии в поведенческих науках исследователю было предписано строго соблюдать правила добывания научного знания, основанные на компактно суммированных У. Веймером позитивистских мифах:

- Научное знание основано на твердых эмпирических фактах.
- Теории выводятся из фактов (и, следовательно, вторичны по отношению к ним).
- Наука развивается посредством постепенного накопления фактов.
- Поскольку факты формируют основания нашего знания, они независимы от теорий и имеют самостоятельное значение.
- Теории (или гипотезы) логически выводятся из фактов посредством рациональной индукции.
- Теории (или гипотезы) принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку экспериментом [25].

Поскольку подобным путем новое знание построить невозможно (что убедительно показано в разрушивших эти мифы работах Т. Куна, П. Фейерабенда, С. Тулмина и др.), исследователи были вынуждены изощряться и изобретать всевозможные теневые методологические «ходы», дабы обойти эти правила, одновременно создавая видимость их соблюдения. Среди подобных «ходов» наибольшее распространение получили такие, как формулирование гипотез post factum – когда исследование уже проведено, придумывание якобы неподтвердившихся гипотез, призванных продемонстрировать добросовестность исследователя, камуфлирование истинных источников этих гипотез, «отсечение» их связи с самоанализом, личным опытом исследователя и т.п. В результате в поведенческих науках сосуществовали две методологии: официальная – позитивистская – и теневая, которая делала возможным реальное приращение знания и была легализована – да и то не полностью – лишь в результате распространения в методологической рефлексии науки постмодернистских идей и настроений (см.: [12])[2].

---

[2] Эта ситуация, помимо всего прочего, демонстрирует, что теневая наука охватывает не только негативные явления, подлежащие порицанию и – в идеале – искоренению. Другой пример «позитивной» теневой науки – отечественная философия советского времени, которая в условиях диктата истмата и диамата тоже вела во многом теневой образ жизни, будучи замаскированной под историю философии.

Подобные примеры свидетельствуют о том, что к области теневой науки можно отнести большое разнообразие феноменов, которые трудно отмерить от какой-либо системы морально-этических норм (кто решится сказать, что теневое нарушение позитивистской методологии было аморальным?) и выстроить в едином смысловом пространстве. В то же время и полное отождествление теневого с неофициальным, противоречащим упрощенным представлениям о науке, было бы чрезмерным расширением данного понятия. Так, скажем, многолетнюю судебную тяжбу между Ньютоном и Лейбницем, как и бесконечные споры о приоритете, в которые было втянуто множество выдающихся ученых, едва ли можно отнести к теневым феноменам науки, хотя они и противоречат ее официальным нормам – незаинтересованности, коммунизма и др. Вследствие того, что реальные ученые не живут в «башне из слоновой кости», что они – не «святые» [15] и не «рациональные автоматы» [24], которым чуждо все человеческое, они часто позволяют себе не вписывающееся в официальные нормы науки, да и ключевые фрагменты в развитии научного знания, например научные революции, сильно напоминают социальные революции, заключающиеся в ниспровержении друг друга политическими кланами [3]. Так можно ли считать когнитивную сторону научных революций – вытеснение одной научной парадигмы другой – «белой», «легальной» и т.п. наукой, а те социальные процессы, которые за этим стоят, например, описанное тем же Т. Куном вытеснение сторонников прежней парадигмы из научных журналов и т.д. – теневой наукой? Наверное, можно, но опять же при предельном расширении этого понятия.

В результате грань между неофициальным в науке, противоречащим ее парадному и сильно ретушированному образу, и теневым прочертить очень сложно, и любой способ ее проведения будет условным и конвенциональным. Вместе с тем и совсем пожертвовать этим сколь эффектным, столь и полезным понятием, причислив его к категории пустых метафор, было бы жалко. Возможно, к теневой науке имеет смысл относить слишком явное нарушение этических норм, причем не только тех, которые, подобно нормам Мертона, существуют в самой науке, но и принятых в том обществе, в котором она развивается.

Защиты «под ключ»

Вспомним сколь очевидную, столь и многозначительную формулу: «Наука – зеркало общества». Она, в числе прочего, означает, что все негативные явления, характерные для данного общества, в той или иной форме воспроизводятся и в науке, а степень ее отклонения от принятых в ней норм в целом пропорциональна степени отклонения от общечеловеческих моральных императивов соответствующего общества. Здесь уместно ненадолго отклониться от темы и привести результаты сравнительных исследований проблем, в разные годы характерных для американских школ. В качестве таковых в 1970-е гг. истекшего века обозначились: жевание жвачки на уроках, подсовывание ее – в разжеванном виде – под седалища непопулярных учеников, их коллективный остракизм, пропуски уроков и т.п., а в 1990-е гг. – «разборки» между бандами подростков с использованием кастетов и ножей,

школьная проституция, наркомания и т.д. «Прогресс», как легко видеть, налицо, и на фоне таких тенденций трудно сохранить веру в светлое будущее человечества, даже его «золотого миллиарда».

Близкую тенденцию можно уловить и в науке: явления, которые В.А. Бажанов отождествлял с теневой наукой в начале 1990-х, – саморецензирование, подписывание рецензий без чтения соответствующих работ и пр. – выглядят детскими шалостями в сравнении с тем, что олицетворяет ее сейчас. При этом можно допустить (и не только допустить, но и привести соответствующие доказательства), что и те формы нарушения научной этики, которые сопровождали науку с ее первых шагов, – подделывание и придумывание данных, искажение действительных размеров выборок и пр. – не менее характерны и для современной науки. К тому же, как и всегда во времена, отмеченные снижением морали, наблюдается смещение представлений о том, что считать нормой, а что – патологией, и ученого, «подмахивающего» отзывы и рецензии, сейчас вряд ли сочтут злостным нарушителем научной этики.

Разумеется, каждое общество и характерные для него формы нарушения моральных принципов порождают и соответствующий вид нарушения научной этики, а значит, и теневой науки. И в этом плане наша отечественная наука не может посетовать на отсутствие изобретательности. В качестве примеров приведем типовые образцы объявлений, помещаемых в Интернете.

Расценки на диссертации по гуманитарным наукам в у.е. (качественно):

Кандидатская – от 5000 до 7000 (в зависимости от сроков и формы оплаты).

Докторская – от 9000 (принимаются в расчет интеллектуальные возможности и степень участия самого соискателя. Предусматривается скидка, если докторская заказывалась «в одном пакете» с кандидатской).

Докторская «под ключ» – 16000.

Выполнение диссертационной работы (кандидатской, докторской) – от 1000 (определяется индивидуально в каждом случае, срок исполнения – 2 месяца).

Сопровождение работы и защита в экспертных советах ВАК – от 4500 (определяется индивидуально в каждом случае, срок – до 3 месяцев).

Специальное предложение:

Дружественный ученый совет принимает к рассмотрению работы по специальностям: информационная безопасность по отраслям – кандидат (доктор) технических, экономических, юридических наук; управление народным хозяйством – кандидат (доктор) экономических наук.

Во всех случаях конфиденциальность гарантируется.

Знаки отличия:

Звание академика – 1000.

Настенный цветной диплом на русском языке – 50.

То же самое на английском – 50.
Твердый переплет для диплома с золотым тиснением – 25.
Твердый настольный бювар для диплома – 25.
Удостоверение академика карманного формата – 25.

Дипломы:

Диплом о высшем образовании (бланк настоящий, подписи и печати поддельные) – от 150 до 900 (зависит от времени изготовления и престижности вуза).

Настоящий диплом (введенный в базу данных вуза) – 5000 (плюс 4 маленьких фото).

Документ об образовании экстерном. Высылается по почте – независимо от того, в Москву или Магадан. Юрист, бухгалтер, менеджер, экономист и др. – законно, быстро и всего за 6000 руб. [4].

Обращают на себя внимание и характер предлагаемых услуг, от которого у ученого 1990-х гг. волосы встали бы дыбом, и их разнообразие (можно купить кандидатскую, можно – докторскую, можно – книгу или статью, можно – диплом, можно – место в академии), и их дифференцированность в зависимости от платежеспособности клиентов (можно, если средства позволяют, организовать защиту «под ключ», можно – менее удобными, но более дешевыми способами), и своеобразная «честность» (хотите – подлинные бланки и печати, не хотите – поддельные). Симптоматично и то, что соответствующие услуги, выглядящие нелегитимными с позиций самой науки, не воспринимаются таковыми нашим обществом и его правоохранительными структурами: во всяком случае, предлагающие их ничего не скрывают, а, напротив, афишируют и ни от кого не прячутся. А реакцию этих структур на жалобы возмущенных нетрудно предугадать: «И такую ерунду вы считаете правонарушением?»

Но дело, конечно, не в этих структурах, у которых и в самом деле есть более серьезные заботы. Еще более симптоматична реакция самого научного сообщества. Диссертации «под ключ» не пишутся сами по себе, их пишут его представители, поведение которых в основном встречает весьма толерантное отношение в нашей научной среде: дескать, ведь жить как-то надо. По статистике ВАК, 15% кандидатских и 10% докторских диссертаций у нас защищают люди, не имеющие к науке никакого отношения, делая это благодаря своеобразным «конвенциям», которые тоже выражают своего рода антинормы, распространенные в нашем научном сообществе: «нельзя подводить председателя Ученого совета, ведь он уже договорился» (а стало быть, и получил деньги или что-то еще), «этого типа нельзя “рубить”, ведь он может сделать что-нибудь полезное для нашего вуза (института), а может, если рассердится, и навредить» и т.п. Так что в подобных ситуациях научную этику нарушает не узкая группа людей – пишущие диссертации «под ключ», защищающие их или организующие такие защиты, а все наше научное сообщество или, по крайней мере, его основная часть (в противном случае подобные защиты завершались бы провалом, чего, как правило, не случается), и есть все основания кон-

статировать погруженность в соответствующий вид теневой науки его большей части.

Научное антрепренерство

Жизнь внесла свои коррективы и в формы организации отечественной науки, обогатив ее рядом если и не строго теневых, то, по крайней мере, «серых» форм, например таких, как «институты-призраки». В отличие от близких к ним по форме, но не по содержанию «институтов-карликов» (см.: [13]), «институты-призраки» выглядят специфической для современной России формой организации науки, неся на себе печать массовой склонности к профанациям, очень характерной для нашего общества. Как и любые призраки, подобные институты неуловимы, а об их существовании можно судить лишь по неким косвенным признакам – главным образом, по продуктам их «трансцендентной» активности. Ее типовыми проявлениями служат, во-первых, вывеска на стене какого-либо известного научного или образовательного учреждения, в помещении которого «призрак» живет – подобно тому, как привидения жили в средневековых замках; во-вторых, личность, которая позиционирует себя в качестве директора такого института, выступая, в основном в СМИ, от его имени. Другие проявления активности «институтов-призраков» окружающему их научному сообществу, как правило, неизвестны, хотя акты «спиритизма», осуществляемые такими органами, как, скажем, налоговая инспекция, иногда позволяют их обнаружить и материализовать, поскольку в финансовом плане эти «призраки» отнюдь не бесплотны (и не безгрешны).

Говоря о «серой» науке, было бы несправедливым не отдать должное и такой ее форме, как антрепренерская наука. Дж. Раветц называет «научным антрепренерством» способность проводить быстроосуществимые и низкокачественные исследования, браться за любые задачи, если это сулит материальные выгоды, действовать, в том числе и искажать результаты исследований, в угоду власть предержащим и т.д. [23]. Яркой иллюстрацией этого стиля работы может служить социолог, который, получив предложение провести социологическое исследование, спросил заказчика: «А как Вам подсчитать результаты?» – т.е. в чью пользу.

Антрепренерская наука стала целой индустрией в современной России, где, как отмечает И. Мильштейн, в процессе гневного комментирования тех или иных политических событий так называемыми независимыми аналитиками, оценивающими их «от имени» науки, «уровень гнева определяется количеством “зеленых” в незаклеенном конверте» [5, с. 16]. Очевидный «прогресс» – коммерческий, пиаровский и прочий – этой индустрии в основном связан со стремительным разрастанием сети так называемых независимых (непонятно от кого, но явно не от основных источников финансирования и политических интересов их клиентуры) исследовательских центров[3], основные задачи которых очень далеки от главной задачи науки – раскрытия истины. В нашей

---

[3] В одной только политологии их насчитывается более 300 [11].

стране сложилась крайне благоприятная среда для развития антрепренерской науки, ведь в условиях нынешнего статусно-организационного «беспредела» (любой может учредить собственную академию, купить ученую степень и т.п.) «сейчас каждый, кто составил опросный лист или провел интервью, без зазрения совести называет себя социологом (а также политологом, психологом и т.п. – *А.Ю.*)[4], более того, считает возможным выдвигать и отстаивать различные проекты преобразования российского общества» [6, с. 506]. В то же время «конкурировать в одиночку с представителями академической науки непросто, однако можно это делать, выступая с оценками от имени центра или фонда с солидным наукообразным названием» [7, с. 94]. В результате такие центры и фонды плодятся как грибы после хорошего дождя, наблюдается «лихорадочное основание всевозможных социологических и политологических, экономических и стратегических центров, явно настроенных на обслуживание тех или иных структур власти, предпринимательства, общественных организаций» [7, с. 94][5], а образуемая ими антрепренерская наука не только оттесняет «настоящую» науку от умов и кошельков политиков и бизнесменов, т.е. от основных источников финансирования, но и создает в нашем обществе сильно искаженный образ того, что такое наука вообще и кто является ее ведущими представителями, а стало быть, кого следует использовать в качестве экспертов и аналитиков. Эта разновидность «серой» науки не только настойчиво «лезет на свет», но и стремится оттеснить оттуда свою соперницу – официальную науку, пытаясь выставить ее «ленивой», «неразворотливой», «догматичной», «испорченной советскими традициями» и т.п., то есть обладающей качествами, противоположными основным характеристикам антрепренерской науки.

С последним обстоятельством тесно связано распространение у нас весьма своеобразных рейтингов интеллектуалов вообще и ученых в частности, имеющих весьма отдаленное сходство с изданиями типа «Кто есть кто», широко распространенными за рубежом. Наибольший резонанс вызвал рейтинг, составленный ассоциацией ИНТЕЛРОС («Интеллектуальная Россия»), которая предложила свою, как пишут ее представители, «версию 100 наиболее ярких интеллектуалов России, составленную на основе мнения экспертов» [8]. Среди «наиболее ярких интеллектуалов России» на 1-м месте стоит Г. Павловский, на

[4] Интересно, что наш специфический рынок породил не только обильное предложение «липовых» специалистов этих профилей, но и спрос на них. Например, в одной из наших газет было опубликовано такое объявление: «Требуется психолог до 35 лет. Психологическое образование не обязательно».

[5] Разумеется, возникает вопрос: а почему подобного не происходит в естественной и технической науке? Ответ может быть основан на том, что, во-первых, в естественной и технической науке проще отличить истинную науку от ее профанаций, чем в социогуманитарных дисциплинах; во-вторых, в современной России, в условиях специфики характерного для нее социального заказа науке, профанировать, скажем, на естественной науке куда менее выгодно, чем на социогуманитарной. Кроме того, нечто подобное, хотя и в более скромных масштабах, наблюдается и в естественной науке, например в медицине, где тоже появилось немало «своеобразных» центров.

3-м – сам организатор этой процедуры А. Неклесса, на 48-м – Б. Березовский, на 49-м – М. Ходорковский, на 50-м – А. Чубайс; в списке также 6 из 13 членов экспертного совета, составлявшего рейтинг. Есть в нем и действительно яркие интеллектуалы, но в целом получившаяся «галерея» напоминает фойе из «Театрального романа» М. Булгакова, где между портретами Шекспира и Лопе де Вега висели портреты буфетчицы Маши и других театральных деятелей местного значения. Этот рейтинг, будучи – о чем можно судить по высказываниям о нем в Интернете – воспринят как искусственная «фабрикация статуса» и слишком явное самовыражение определенного клана, контуры которого легко угадывались в самом рейтинге, вызвал бурную реакцию в нашем научном сообществе, представители которого были несколько ошарашены подобным образом нашей интеллектуальной элиты. Впрочем, составителей рейтинга это ничуть не смутило. Во-первых, в их распоряжении имелся беспроигрышный аргумент, который непременно будут использовать и другие составители подобных рейтингов: протестуют те, кто не попал в заветную сотню и завидует туда попавшим. Во-вторых, их ответ был вообще очень характерным для «антрепренерской науки»: дескать, рейтинг – это реальность, и ее надо принять, а не подвергать сомнению, исходя из амбиций или здравого смысла. Ведь одна из главных черт «антрепренерской науки» – не изучение реальности, а стремление утвердить ее наиболее выгодный для тех или иных кланов образ.

Подобные ситуации высвечивают и еще одно важное свойство современного варианта теневой науки. Если, скажем, идеологизированная наука служит определенной идеологии и фабрикует выгодный для нее образ реальности, то теневая наука в своей «служивой» части обслуживает интересы определенных политических, около- и внутринаучных кланов, подгоняя под их интересы образ реальности, в том числе и самой науки[6]. Однако в отличие, скажем, от теневой экономики, теневая наука стремится пробиться «на свет», но специфическим способом, явив всему миру сфабрикованный ею образ реальности, но оставив в тени истинный механизм его порождения. Это же ее свойство отчетливо проявляется и в тех случаях, когда ученые практикуют способы поведения, описанные А. Коном, – куда-то «случайно теряют» данные, на которых основаны сделанные ими выводы, и т.д. В тени остается собственно «генерирующая часть» теневой науки, а не ее продукт – порожденные теневым механизмом результаты.

Поп-наука

Область теневой науки расширяется и за счет того, что в современном обществе большое распространение получила так называемая поп-наука (не путать с паранаукой и т.п.), охватывающая различные формы

[6] При этом интересы соответствующего клана тоже могут состоять в распространении определенной идеологии, но чаще сводятся к продвижению самого клана – завоеванию им ключевых позиций в науке, в системе ее взаимоотношений с обществом и т.д.

приспособления науки, главным образом социогуманитарной, к потребностям современного обывателя и стремления «продать» ее ему в наиболее доступном его пониманию виде. Ее типовые образцы – книги «Как заводить друзей», «Как нравиться женщинам», «Как добиться успеха в бизнесе» и т.п., наводнившие прилавки наших, даже наиболее солидных, книжных магазинов. По форме – это адаптация научного знания к потребностям практики, по сути – его явная профанация в угоду обывателю, увы, пользующаяся у него куда большим спросом, нежели «настоящая» наука.

Формально поп-наука и теневая наука не пересекаются друг с другом, поскольку вторая обитает «внутри» самой науки, а первая образует внешнее по отношению к ней наслоение. Но в действительности многие ученые активно и охотно занимаются поп-наукой, «адаптируя» научное знание к потребностям обывателя и его представлениям о науке, что нередко выдается за коммерциализацию этого знания, его приспособление к нуждам практики и др. Причины подобного поведения ученых достаточно очевидны: на поп-науке можно заработать и известность, и деньги, которых не заработаешь на серьезной науке. И если толерантно относиться к научным сотрудникам, пишущим диссертации «под ключ», то их коллеги, промышляющие поп-наукой, едва ли заслуживают более строгого порицания.

В принципе, алгоритм их действий достаточно прост. Из некоего научного знания выводятся импликации относительно того, что потребно обывателю, не только сильно упрощающие, но и искажающие это знание. В результате в массовое сознание «от имени» науки транслируются мифы, противоречащие научным данным, например о том, что «чтобы добиться успеха в достижении цели, ее надо визуализировать», «сдерживать свои чувства неправильно и вредно», «если вы пребываете в дурном расположении духа, то почувствуете себя лучше, переключив свои мысли на что приятное» [9, с. 12–13]. Поскольку научного знания для подобных импликаций всегда недостаточно, попученый заполняет вакуум своим здравым смыслом и фантазией. В общем, получается «адская смесь» из научных представлений, их изрядного искажения, находок здравого смысла и т.д., которая продается обывателю от имени науки. А ввиду того, что, в отличие, скажем, от паранауки и сопутствующего ей шарлатанства («сниму порчу», «приворожу любовника», «верну мужа за полчаса» и т.п.), здесь все же корни вырастают из науки, то поп-науку можно считать одним из проявлений теневой науки, тем более что промышляющие ею представители научного сообщества, как правило, занимаются ею «в тени», стараясь скрыть это от коллег.

Вообще следует отметить, что в тех случаях, когда ученый, в особенности представитель социогуманитарных наук, занимается тем, что принято называть внедрением[7] научного знания в практику, он часто практикует те приемы, которые характерны для теневой науки. И дело здесь даже не в том, что он, как и подавляющее большинство отечест-

[7] Источающее механический скрежет слово, демонстрирующий, что практика сопротивляется этому.

венных предпринимателей, стремится уклониться от уплаты налогов, занизить размер своих доходов и т.д., что характерно для теневой экономики, т.е. в этом смысле погружается «в тень», сколько в том, что он нередко продает товар – псевдознание, которое в самой науке в качестве знания не рассматривается.

Например, значительная часть тестов и других подобных процедур, применяемых так называемыми практическими психологами, не имеет выдаваемых научным сообществом «сертификатов» валидности и надежности и вообще, подобно очень популярному сейчас нелинейному программированию (НЛП), крайне сомнительна. Однако покупателю все это выдается за получивший научную «сертификацию» абсолютно надежный товар, что предполагает достаточно явное нарушение норм науки. И такие формы поведения характерны не только для «чистых» практиков, многим из которых основополагающие нормы науки просто неизвестны, но и для ученых, которые, в основном не от хорошей жизни, вынуждены заниматься практикой и внедрять в нее все, что она может вытерпеть (и в таком контексте этот «скрежещущий» термин вполне оправдан).

* * *

Множество явлений, которые можно отнести к области теневой науки, сейчас настолько широко и многообразно, что едва ли возможно дать их всеобъемлющее описание, тем более что наша жизнь порождает все новые их виды. В то же время, если придерживаться сформулированного в начале этой статьи определения, основные формы «деятельности представителей научных сообществ, микросоциумов (входящих в них по формальным либо содержательным признакам), которая строится на нарушении, деформации принятых и поддерживаемых обществом в качестве своего рода идеалов, ценностей и норм – правовых, этических и т.д., которые регулируют научную жизнь» [1, с. 153], все же поддаются систематизации.

Во-первых, к их числу можно отнести – и это, наверное, самое древнее понимание теневой науки – нарушение представителями научных сообществ тех норм, ценностей и идеалов, которые регулируют *сам процесс производства научного знания* и «развернуты» в сторону изучаемых учеными объектов: фабрикация вымышленных данных, подделка результатов исследований, описание непроводившихся опытов, – в общем, все то, что описывает в своей книге А. Кон.

Во-вторых, нарушение норм, которые регулируют *процесс оценки и распространения научного знания в самой науке,* – «подмахивание» рецензий и отзывов на непрочитанные диссертации и книги и т.п.

В-третьих, нарушение норм, призванных регулировать *взаимоотношения между учеными,* например, использование в научных дискуссиях статусных позиций и вненаучных – скажем, идеологических – аргументов, подыгрывание начальникам, клановое поведение и др.

В-четвертых, нарушение тех норм, которые регулируют *отношения научного сообщества с внешней по отношению к нему социальной сре-*

дой: преподнесение ей искаженных представлений о том, «кто есть кто в науке» в виде липовых рейтингов, трансляция в нее поп-версии научного знания и т.д.

В-пятых, нарушение *общечеловеческих норм* в виде наиболее экстремальных форм неэтичного поведения ученых, таких как торговля обогащенным ураном или человеческими органами.

Возможно, в отдельную категорию стоит выделить и нарушение норм, которые выполняют «охранительную» по отношению к научному сообществу функцию, препятствуя его наводнению «чужаками», т.е. людьми, не имеющими к науке отношения. Например, организация защит «под ключ» или толерантность к такого рода явлениям.

К сожалению, в качестве общих тенденций можно зафиксировать, во-первых, увеличение количества сегментов теневой науки – постоянное появление ее новых видов; во-вторых, расширение каждого из этих сегментов, т.е. превращение нарушения соответствующих норм во все более массовые явления; в-третьих, размывание границ между нормой и патологией, т.е. между теневой и «нормальной» наукой, в результате чего еще совсем недавно считавшееся патологией начинает рассматриваться как норма; в-четвертых, «экстремализацию» теневой науки – нарушение норм все более грубыми способами (кто лет двадцать назад смог бы себе представить, скажем, защиту диссертаций «под ключ»?); в-пятых, своеобразную «социализацию» теневой науки в виде сдвига ее главных проявлений с нарушения «внутренних» норм науки на нарушения норм, регулирующих ее взаимоотношения с обществом.

Не хочется строить прогноз о том, как будут развиваться эти тенденции и что будет дальше, но совершенно очевидно, что у теневой науки есть не только прошлое и настоящее, но и будущее. Хотелось бы лишь выразить надежду на то, что не вся наша наука со временем погрузится в тень.

Литература

1. Бажанов В.А. Наука как самопознающая система. Казань, 1991.
2. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых. М., 1987.
3. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
4. Куплю докторскую // http://www.rg.ru/Anons/arc_2002 /0322/1. shtm.
5. Мильштейн И. Судьба математика // Новое время. 1998. № 41. С. 14–16.
6. Осипов Г.В. Что происходит с социологией? // Вестник РАН. 1997. № 6. С. 502–507.
7. Филатов В.П. Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 89–96.
8. Рейтинг российских интеллектуалов – 100 ведущих позиций // http: // www.kreml.org/news/64439257.
9. Современная западная социология науки. М., 1988.
10. Степанов С. 7 мифов поп-успеха // Мы и мир. Психологическая газета. 2005. Январь. С. 12–13.

11. Цепляев В., Пивоварова Л. В коридорах власти пахнет анализами // АиФ. 2002. Август. № 33 (1138).
12. Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.
13. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М., 2004.
14. Barber B. Science and the social order. New York, 1952.
15. Eiduson B.T. Scientists, their psychological world. New York, 1962.
16. Erno E. Scientific norms as (dis)inegrators of scientists // MPP Working Paper. 2000. № 14.
17. Gieryn T.F., Figert A.E. Scientists protect their cognitive authority: The status degradation ceremony of sir Cyril Burt // The knowledge society. Dordrecht, 1986. P. 67–86.
18. Hagstrom W.O. The scientific community. Cardonale, 1965.
19. Kohn A. False prophets: Fraud and error in science and medicine. Oxford, 1986.
20. Mahoney M.J. Scientists as subjects: The psychological imperative. Cambridge, 1976.
21. Merton R.K. Behavior patterns of scientists // American scientist. 1969. V. 57. P. 1–23.
22. Mitroff I.I. The subjective side of science. A psychological inquiry into the psychology of the Appolo Moon scientists. Amsterdam, 1974.
23. Ravetz J. Scientific knowledge and its social problems. Oxford, 1971.
24. Roe A. The making of a scientist. New York, 1953.
25. Weimer W.B. Psychology and the conceptual foundations of science. Hillsdale, 1976.